D416
.E75
LSC
UNC-CH

ВОЙНА и КУЛЬТУРА.

Владимиръ Эрнъ.

ВРЕМЯ СЛАВЯНОФИЛЬСТВУЕТЪ.

ВОЙНА, ГЕРМАНІЯ, ЕВРОПА и РОССІЯ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., свой домъ
МОСКВА.—1915.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

D416
.E75

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/vremiaslavianofi00rnvf

D416
.E75

ВОЙНА и КУЛЬТУРА.

Ern"

Владимиръ Эрнъ.

Vremia slavianofil'stvuet

ВРЕМЯ СЛАВЯНОФИЛЬСТВУЕТЪ.

ВОЙНА, ГЕРМАНІЯ, ЕВРОПА и РОССІЯ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА.—1915.

К
Пуб
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ
32960
1945

ВРЕМЯ СЛАВЯНОФИЛЬСТВУЕТЪ.

ЛЕКЦІЯ ПЕРВАЯ.

I.

Я знаю: многое изъ того, что я буду говорить сегодня, покажется—и должно показаться — парадоксальнымъ. Поэтому я долженъ начать съ точнаго разъясненія моей темы и предѣловъ моей задачи. Мое главное положеніе: время славянофильствуетъ, означаетъ прежде всего, что славянофильствуетъ время, а не люди, славянофильствуютъ событія, а не писатели, славянофильствуетъ сама внезапно заговорившая жизнь, а не «сѣрая теорія» какихъ-нибудь отвлеченныхъ построеній и разсужденій.

Своимъ положеніемъ я меньше всего хочу сказать, что въ наше время размножились славянофилы или что славянофильскія доктрины вошли въ моду и стали темой дня. Напротивъ! Умонастроеніе образованныхъ русскихъ людей въ массѣ теперь, какъ и встарь, равнодушно или враждебно славянофильскимъ идеямъ. Слѣдовательно, не людей и не мнѣнія ихъ имѣю я въ виду, когда говорю о времени. Каждая эпоха исторіи, эмпирически дробящаяся на безчисленные отдѣльные факты, складывается тѣмъ

не менѣе по линіямъ неповторимой индивидуальности, и внутренняя организующая сила этой индивидуальности можетъ быть названа древнимъ терминомъ: эономъ. Своимъ положеніемъ я хочу сказать, что каково бы ни было массовое сознаніе образованныхъ русскихъ людей, мы фактически вступаемъ въ славянофильскій эонъ нашей исторіи; онъ же самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ судьбами всего міра. Чудовищный вулканъ смерти и крови, вдругъ возставшій надъ всей Европой, на великій судъ и испытаніе, созвалъ государства и племена, и то, что въ жизни народовъ было скрыто подъ семью замками, неожиданно всплыло вверхъ и засіяло ослѣпительнымъ свѣтомъ; то же, что всѣмъ бросалось въ глаза, что всѣми превозносилось и славословилось, вдругъ зловѣще померкло, и общепризнанные учительные свѣтильники предъ лицомъ всего міра съ удушающимъ чадомъ сами сдвинулись съ мѣстъ. Ликъ земли во мгновеніе ока рѣшительно перемѣнился, а стрѣлка исторіи перелетѣла бездны временъ.

Моя задача состоитъ въ томъ, чтобы оправдать мое положеніе и попытаться установить, что то, что казалось чистѣйшей славянофильской фантастикой и патріотическимъ сновидѣніемъ, начинаетъ сбываться, переходить въ явь, и то, о чемъ съ косноязычіемъ, съ ошибками, съ геніальностью, со страстью говорили отдѣльныя единицы, становится историческою дѣйствительностью.

Но для того, чтобы устранить всякую неясность въ моей темѣ, я долженъ сказать, что подъ славянофильствомъ я разумѣю не тлѣнную букву различныхъ славянофильскихъ доктринъ, и не грѣховныя ограниче-

нія, которыя затемняли святую сущность ихъ основныхъ постиженій, а лишь животворный, вселенскій духъ, который явно сквозилъ и сіялъ черезъ рубища ихъ историческихъ, общественныхъ и даже философскихъ доктринъ. Живое сердце славянофильскаго мірочувствія съ особенной чистотой и пламенностью бьется въ Пушкинской рѣчи, и слово Достоевскаго: всечеловѣчность—есть геніальная формула, къ которой, какъ къ живому центру своему, тянется все великое и живое въ умозрѣніи славянофиловъ.

Итакъ, я хочу показать, что время славянофильствуетъ въ томъ смыслѣ, что русская идея всечеловѣчности загорается небывалымъ свѣтомъ надъ потокомъ всемірныхъ событій, что тайный смыслъ величайшихъ разоблаченій и откровеній, принесенныхъ ураганомъ войны, находится въ поразительномъ созвучіи и въ совершенномъ ритмическомъ единствѣ съ всечеловѣческими предчувствіями славянофиловъ.

II.

Прежде всего, старая антитеза Россія и Европа вдребезги разбивается настоящей войной, и въ то же время изъ-подъ ея обломковъ съ непреоборимой силой подымаются новыя антиноміи, новыя всемірно-историческія противоположенія и новыя духовныя задачи.

Громовые удары войны до основаній потрясли всю систему европейской жизни. Потрясеніе началось съ факта: Германія противостала Европѣ, и Европа противостала Германіи. Говоря объ этой внезапной антитезѣ, я меньше всего имѣю въ виду

военныя дѣйствія. И въ 70-мъ году Германія воевала съ Франціей, но это былъ частный конфликтъ. Вся остальная Европа оставалась нейтральной и безразличной, очевидно, потому, что Франція тогда сражалась лишь за себя, а не за достояніе всего человѣчества. Въ настоящее время антитеза перестаетъ быть частной, несмотря на то, что въ конфликтѣ участвуютъ далеко не всѣ народы Европы. То, что заставило Европу возстать на Германію и Германію возстать на Европу, имѣетъ глубокіе и универсальные корни. Лицомъ къ лицу тутъ встрѣчаются двѣ мысли, два самоопредѣленія, два лика самой Европы, или, еще лучше, Европа и ея двойникъ. Трагизмъ положенія подчеркивается тѣмъ, что двойникъ въ роли представителя и квинтэссенціи Европы чувствуетъ себя необыкновенно твердо и прочно. Матеріальной увѣренности, крови и силы въ германскомъ двойникѣ едва ли не больше, чѣмъ въ самой Европѣ. И въ чемъ онъ чувствуетъ (или, по крайней мѣрѣ, до войны чувствовалъ) безусловный перевѣсъ и безусловное превосходство — это то, что онъ сознаетъ себя совершенно свободнымъ отъ всѣхъ предразсудковъ «старой» Европы. Ему все позволено: истина, честь, договоры, гуманность, запреты религіи — не вызываютъ въ немъ никакихъ сомнѣній и никакихъ колебаній. Его нервы въ превосходномъ состояніи, и все свое предпріятіе въ послѣднемъ счетѣ онъ готовъ охарактеризовать какъ міровую ставку на нервы.

Европа ли онъ или анти-Европа? Послѣдняя ли точка въ развитіи европейской идеи, безстрашный, могучій и самый передовой авангардъ всего европейскаго человѣчества или же чужеядное расте-

ніе, паразитъ на благородномъ тѣлѣ европейской культуры, ея внутренній срывъ и провалъ?

Самымъ характернымъ и показательнымъ въ духовномъ состояніи современной Европы, безъ сомнѣнія, должно быть признано то, что на эту дилемму она не можетъ отвѣтить ни «да» ни «нѣтъ». Въ этой дилеммѣ скрыта глубочайшая европейская апорія. И ее миновать—это значитъ рѣшительно ничего не понять въ происходящихъ событіяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь склубились въ трагическій узелъ всѣ вѣковыя недоразумѣнія и тысячелѣтнія болѣзни Европы. Германія кость отъ кости и плоть отъ плоти европейской. Она была могучей участницей средневѣковой культуры и возрожденія, она произвела реформацію, она почти единолично создала блестящую эпоху неогуманизма съ цѣлой плеядой міровыхъ именъ; въ XIX вѣкѣ къ пышной и роскошной философіи нѣмцевъ зачарованно прислушивалось все образованное человѣчество. Ихъ музыка завоевала всѣ страны. Затѣмъ идетъ величественный расцвѣтъ естественныхъ, историческихъ и филологическихъ наукъ. Передъ самой войной нѣмцы занимали по общему признанію, если не гегемонію во всей культурной жизни Европы, то во всякомъ случаѣ безспорно одно изъ самыхъ первыхъ и самыхъ почетныхъ мѣстъ. Если Германія не Европа, то Европы вовсе нѣтъ никакой. Отрицать, что Германія есть одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и самыхъ даровитыхъ членовъ въ организмѣ европейской культуры—это значитъ уничтожать этотъ организмъ, разбивать его единство, раздроблять его идею и разсыпать всю историческую жизнь Европы на разодранные и никому не интересные куски

исторій отдѣльныхъ народовъ, даже отдѣльныхъ племенъ, провинцій, муниципіевъ, «колоколенъ», конторъ и прилавковъ.

Итакъ, Германія — Европа? И тѣ ужасы, звѣрства, безсмысленные массовые разстрѣлы, разрывныя пули, предательское злоупотребленіе бѣлымъ флагомъ, приканчиваніе плѣнныхъ, сжиганіе казаковъ живыми, калѣченіе бельгійскихъ дѣтей, насилованіе женщинъ, систематическіе грабежи, метаніе бомбъ въ беззащитныя толпы горожанъ, отравленіе колодцевъ, допросы плѣнныхъ съ пытками, сокрушеніе огнемъ и мечомъ величайшихъ памятниковъ культуры — все это тоже Европа, тоже проявленіе ея исторической сущности?

III.

Врядъ ли кто-нибудь станетъ отрицать, что неслыханная беззастѣнчивость германскаго двойника вызвала въ настоящей Европѣ чувство глубочайшаго негодованія и почти что физическій жестъ брезгливости и отвращенія. И если бы только звѣрства!.. Нѣтъ, въ поведеніи германскаго двойника обнаружилось нѣчто гораздо болѣе страшное, чѣмъ гуннское разрушительство и пьяный, нервическій вандализмъ. Поверхъ всѣхъ ужасовъ физическихъ, на духовномъ экранѣ всечеловѣческаго сознанія вырисовалось... наглое рыльце прусскаго лейтенанта.

На немъ все лоснится и свѣтится отъ безконечной самоувѣренности. Съ головы до ногъ и отъ каски до глубины мозговъ, до послѣдней сердечной мысли въ немъ, все «made in Germany», и не подумайте пожалуйста, что сдѣлано плохо! Нѣтъ, сдѣлано велико-

лѣпно, превосходно, идеально! Во всей Европѣ не найти такой чистой работы. Его монокль дѣлали лучшіе оптики міра. Каждый отсвѣтъ его глазного стеклышка открываетъ поистинѣ трагическое зрѣлище. Одинъ поворотъ его каски—и вы видите безконечныя вереницы знаменитыхъ нѣмецкихъ ученыхъ. У нихъ училась Европа, но они всѣ работали, съ тайною любовью, со страстью, для украшенія истинно-прусскаго рыльца. Вы привыкли уважать Гельмгольца или Оствальда? Знайте же, что въ лейтенантскомъ моноклѣ есть и ихъ капля меда. Да и капля ли? Всѣ молекулы, всѣ ткани лейтенантскаго существа созданы совокупнымъ духовнымъ творчествомъ объединеннаго и единаго въ своихъ стремленіяхъ германскаго народа. Толпы историковъ, антропологовъ, химиковъ, юристовъ, экономистовъ, философовъ (да, философовъ!), богослововъ, техниковъ, заводчиковъ, литераторовъ участвовали съ великимъ эротическимъ возбужденіемъ въ этомъ созданіи національнаго героя, въ этомъ лейтенанто-гоническомъ процессѣ.

Вы сомнѣваетесь? Вамъ кажется немыслимымъ это торжество? Вамъ представляется невѣроятнымъ, чтобы ученые и философы, литераторы и богословы могли быть заподозрѣны въ свальномъ грѣхѣ германскаго озвѣрѣнія?

Рыльце прусскаго лейтенанта складывается въ презрительную мину. Онъ нажимаетъ кнопку, и передъ нами развертывается потрясающая картина. Цвѣтъ нѣмецкой науки, литературы и философіи сомкнутыми рядами приближается къ лейтенанту и, сдѣлавъ передъ нимъ génuflexion, торжественно расписывается въ своей солидарности со всѣми право-

нарушеніями, со всѣми звѣрствами, со всѣми подлогами нѣмецкой военной партіи. При этомъ они грозно вращаютъ глазами и всѣ въ одинъ голосъ кричатъ: «Да, мы всѣ согласны во всемъ съ лейтенантомъ! Наша культура и нашъ милитаризмъ—одно» [1]). Въ этой толпѣ кричащихъ у подножія лейтенантскаго рыльца мы съ ужасомъ узнаемъ полубоговъ нѣмецкой культуры, вызывавшихъ передъ войной общеевропейскій восторгъ. И для того, чтобы не было никакихъ сомнѣній, къ голосамъ отдѣльныхъ ученыхъ, присоединяются коллективныя заявленія нѣмецкихъ университетовъ, подносящіе до полусотни почетныхъ докторатовъ генералъ-полковнику Гинденбургу и избирающіе докторомъ философіи Круппа. Наконецъ,—и это великолѣпный штришокъ, — нѣмецкая соціалдемократія апплодируетъ рыльцу!..

Что можетъ отвѣтить на это Европа? Можетъ ли она согласиться, что германскій двойникъ, въ виду солидарности съ нимъ всѣхъ нѣмецкихъ ученыхъ, въ своемъ сокрушительствѣ, дѣйствительно, представляетъ Европу и осуществляетъ ея самые передовые замыслы? Аргументы поистинѣ подавляющіе, и

---

[1]) Особенно замѣчательны высказыванія о милитаризмѣ В. Зомбарта: «Милитаризмъ есть душа Германіи... Милитаризмъ—проявленіе германскаго героизма... Милитаризмъ—духъ героизма, ставшій духомъ войны. Это—Потсдамъ и Веймаръ въ ихъ высшемъ сочетаніи. Это—„Фаустъ“ и „Заратустра“ и партитуры Бетховена. Ибо даже... увертюра къ „Эгмонту“ есть не что иное, какъ истинный милитаризмъ. И именно потому, что доблести, придающія милитаризму столь высокій смыслъ, проявляются въ полномъ объемѣ въ войнѣ, мы, исполненные духа милитаризма, смотримъ на войну какъ на нѣчто священное, какъ на священнѣйшую вещь на землѣ». „Утро Россіи“ № 104.

все же, вопреки очевидности, вопреки краснорѣчивѣйшимъ фактамъ, своего лика въ германскомъ рыльцѣ Европа признать не можетъ. Все ея внутреннее существо содрогается отъ брезгливости, отвращенія и гадливости... Нѣтъ, Германія — не Европа! Европа анаѳематствуетъ силу, идущую противъ права, анаѳематствуетъ культурное озвѣрѣніе, анаѳематствуетъ забвеніе чести и совѣсти.

IV.

На этотъ бурный протестъ лейтенантское рыльце хитро улыбается. Усы начинаютъ свирѣпѣть и щетиниться. Онъ дѣлаетъ знакъ рукой, и на экранѣ появляется почтенная фигура самаго почтеннаго нѣмецкаго ученаго. Онъ представительствуетъ отъ всей нѣмецкой «фамиліи», и его нельзя не выслушать.

«Милостивые государи,—обращается онъ ко всѣмъ носителямъ европейскаго сознанія,—hochgeehrte Versammlung! Я буду говорить кратко, но съ вѣсомъ. Вы сейчасъ на дѣлѣ увидите силу германскаго мышленія. Вы хотите отъ насъ откреститься? Вы хотите умыть свои руки? Вы хотите представить насъ «бяшками» и волками, а сами разыграть добродѣтельныхъ агнцевъ? Ха-ха-ха! Это просто великолѣпно!! Германія искренно изумляется высокому полету ханжества и лицемѣрія, которое васъ охватило. Мы и сами не прочь слицемѣрить, когда это нужно для дѣла, aber... такому постному выраженію, такому закатыванію къ небесамъ вашихъ прекрасныхъ глазъ,— я буду откровененъ,—мы почти что завидуемъ.

Давайте припомнимъ чуть-чуть исторію. Кое-кто начинаетъ у васъ съ разрушенія папства. Да, наши великіе императоры боролись съ латеранскимъ престоломъ во имя священной идеи Римской имперіи, и даже патріотическій Дантъ держалъ нашу сторону. Но не скажете ли вы мнѣ, во имя какого идеала христіаннѣйшій король Франціи устроилъ губительное для папства плѣненіе въ Авиньонѣ — cattiveria babilonica? Нѣкоторые изъ васъ упрекаютъ насъ въ томъ, что мы произвели реформацію. Да, мы приняли ее всѣмъ сердцемъ, какъ великое благовѣстіе, и все жъ по справедливости должны сказать, что мы создавали ее вмѣстѣ съ вами. Развѣ Виклефъ и Гусъ, которые предшествовали нашему Лютеру, были нѣмцами? Развѣ Кальвинъ принадлежитъ къ расѣ германцевъ? Развѣ Англія оторвалась отъ католичества по нашей винѣ?

Но пойдемъ дальше. Вы декламируете о нашемъ механицизмѣ и матеріализмѣ. О, mein Gott, какая у васъ короткая память! Основы механистической философіи заложены итальянцемъ Галилеемъ и французомъ Декартомъ. Дальнѣйшія свои приложенія механистическое міровоззрѣніе находитъ въ энциклопедизмѣ французскаго просвѣщенія и у англичанъ (Пристли, Гертли, Юмъ, Бэнъ). Что касается до матеріализма, то его въ новое время возрождаетъ итальянецъ Ванини, французъ Гассенди и англичанинъ Гоббсъ.

Такія справки можно приводить безъ конца. Всѣ онѣ доказываютъ, какъ дважды два—четыре, что наша культурная работа никогда не выходила за предѣлы европейскаго организма. Конечно, наша философія выше философіи французской, англійской и итальян-

ской. Но она всего лишь приводитъ въ систему тѣ лозунги и открытія, которыми мы «заражались» отъ васъ, не создавая ихъ сами.

Но, можетъ-быть, вы хотите примѣровъ еще? Извольте. Наша соціалдемократія выросла изъ революціоннаго французскаго соціализма. Коммунизму училъ насъ итальянецъ Кампанелла и англичанинъ Моръ. Релативизму и скептицизму училъ насъ французъ Бейль и англичанинъ Юмъ. Вы теперь плачетесь надъ желѣзнымъ бездушіемъ нашего государственнаго права. Но и этому мы учились у вашего Маккіавелли, у вашего несравненнаго Гоббса. Въ XIX вѣкѣ въ широкихъ размѣрахъ вы экспортировали къ намъ позитивизмъ, утилитаризмъ, эволюціонизмъ, дарвинизмъ...

Also, meine Herren, я предлагаю вашимъ ученымъ взяться за квадратуру круга: фактически доказать, что мы не являемся вѣрнѣйшими (правда, геніальными!) продолжателями основныхъ тенденцій новой европейской культуры. У насъ нѣтъ ничего только своего; у насъ все наше — ваше и ваше — наше. Полученное отъ васъ мы развивали тѣми же методами, которые получали отъ васъ. Мы производили усовершенствованія и усложненія методовъ, но въ духѣ самихъ же методовъ,—мы углубляли духъ и тенденцію вашихъ порывовъ, но съ методологической строгостью и непрерывностью.

Итакъ, маски долой, meine Herren! Германство въ его всецѣлости, съ войной, съ Лувеномъ, съ Реймсомъ, есть только Европа и не что иное, только геніальная комбинація европейскихъ идей, только доведенный до величайшаго напряженія мощный и

трудный для васъ контрапунктъ новой европейской культуры».

И обратившись въ сторону лейтенанта, почтенный ученый низко склонилъ свою голову и закончилъ такъ:

«Впрочемъ, довольно словъ; нашъ обожаемый кайзеръ со всей Германіей уже давно сказалъ:

«Es wird das Schwert entscheiden».

V.

Мы не знаемъ, что̀ могутъ отвѣтить на подобную рѣчь европейскіе ученые и философы. То, что до сихъ поръ мы слышали отъ нихъ, чрезвычайно слабо и не убѣдительно. Логика не любитъ остановокъ на полудорогѣ. Изъ основныхъ посылокъ новой исторіи Германія, съ полной логичностью, выводитъ сложный комплексъ королларіевъ, включительно съ Круппомъ и даже со звѣрствами. Для того, чтобы отвѣтить Германіи съ подлинной силою, надо бить не по слѣдствіямъ, а отвергнуть посылки. Но для того, чтобы отвергнуть посылки, Европа должна пережить величайшую духовную революцію и такой пересмотръ духовныхъ основъ своего бытія, который по силѣ долженъ быть больше, чѣмъ Ренессансъ, больше чѣмъ Реформація.

Если бы, въ столкновеніи Европы съ Германіей, правды этихъ двухъ борющихся культуръ-близнецовъ ограничивались лишь одной интеллектуальною сферою, дѣло Европы въ духовномъ смыслѣ было бы безнадежно проиграно. Ея борьба съ Германіей не была бы оправдана никакими высшими цѣлями. И даже еслибы Германія была побита, все равно вну-

тренно оказалась бы битой Европа, ибо противъ глубочайшаго феноменализма германской культуры Европа не выставила бы тогда никакого ноумена,— а только феноменологическіе штыки, пушки, окопы, только феноменологическое превосходство тактики и стратегіи. Такъ въ древности, на Востокѣ, возставали царство за царствомъ и падали, въ борьбѣ другъ съ другомъ, какъ гигантскіе ихтіозавры, безъ высшей идеи, безъ освященія правдой.

Такъ было бы, если бъ... Но вотъ оказалось, что вѣка односторонней культуры и ложнаго просвѣщенія не разъѣли до глубины душу Европы. Предъ нами свершилось настоящее чудо. Всѣ аргументы, вся раціоналистическая логика, вся силлогистика и софистика разъѣденнаго цивилизаціей мозга — подъ напоромъ великаго и святого чувства вдругъ молніеносно были посланы къ чорту. Надъ Франціей, атеистической, угарной, «вавилонской», пронесся взывающій колокольный гулъ, и храмы наполнились молящимися, и опять передъ древними святынями полились очищающія слезы, и изъ проснувшейся вѣчной души Франціи вырвался потрясающій молитвенный вздохъ. Въ то время какъ «тѣло» Франціи лихорадочно совершало мобилизацію, и на заводахъ отливало новыя пушки, и строило новые аэропланы и новыя подводныя лодки, въ это время душа народа молитвенно приникла къ своимъ вѣковымъ святынямъ и вмѣстѣ съ парижскимъ епископомъ искала благословенія и помощи не у земныхъ силъ, а у Царицы Небесной. Умеръ Жоресъ—это не важно,—это поистинѣ мелочь, ибо въ сердцѣ народа воскресла чудесно Жанна, святой щитъ и оплотъ Франціи, и нѣмцамъ уже не войти въ Парижъ...

Государственный Литературный Музей

Не менѣе чудесно было блистательное явленіе глубочайшей души народа въ Бельгіи. Изъ-подъ тяжелаго, уродливаго покрова переразвитой промышленности, изъ-подъ конторъ и банковъ, высасывающихъ капиталы изъ многихъ странъ свѣта, изъ-подъ цитадели безчисленныхъ анонимныхъ и акціонерныхъ обществъ, вдругъ поднялась человѣчность, чистая и святая человѣчность, не способная на торгъ и расчеты, не продающаяся ни за какія «цѣны», знающая лишь свое благородство и честность, и передъ всѣмъ міромъ, затаившимъ дыханіе отъ восхищенія, безропотно двинулась навстрѣчу своей Голгоѳѣ.

Схлынутъ тевтонскія полчища съ предѣловъ, ставшихъ священными, развѣются прахомъ люди и государства, которые вбивали гвозди въ нѣжныя руки прекрасной мученицы,—а это видѣніе навѣки останется въ человѣчествѣ и, вѣримъ, относится къ той славѣ Бельгіи, которая внесена будетъ въ горній Іерусалимъ.

Эти глубочайшія онтологическія движенія двухъ народныхъ душъ безповоротно опредѣлили позицію Англіи. Римская имперія на водахъ, владычица океановъ, не могла остаться въ сторонѣ при томъ міровомъ конфликтѣ, который назрѣлъ въ нѣсколько дней. Ея нейтралитетъ былъ бы соучастіемъ въ преступленіи, и Англія съ простой и благородной рѣшимостью вступила въ борьбу. Чтобы видѣть раскрывшуюся въ ней сердечность, нужно имѣть въ виду не только ея собственные подвиги, но и открытую, безкорыстную радость, съ которою она встрѣчаетъ каждый не свой успѣхъ. Рескинъ когда-то съ парадоксальностью пророка обличалъ

Англію: «Вы думаете, что вы богаты, потому что со всѣхъ морей безчисленные корабли свозятъ къ вамъ богатства всего міра; но знайте, что если изслѣдовать глубоко, если взять богатство съ высшей точки зрѣнія, то вы народъ бѣдный, а не богатый, ибо истинныя сокровища суть сокровища духа»... И вотъ, когда война внезапно произвела «глубокое изслѣдованіе» и раскрыла глаза на многое, Англія въ лицѣ своихъ писателей рѣшила открыто показать свое преклоненіе передъ духовными богатствами Россіи, которыя ей вѣдомы лишь въ одномъ видѣ— въ видѣ русской литературы. «Вы сами,—пишутъ англійскіе писатели,—быть-можетъ, даже и не представляете себѣ, какимъ источникомъ неизсякаемаго вдохновенія была ваша литература для англичанъ послѣднихъ двухъ поколѣній... Нѣчто подобное чувствуетъ, вѣроятно пытливый созерцатель небесныхъ глубинъ, когда въ поле его зрѣнія всплываетъ новая планета». «Прежде и главнѣе всего, это было, конечно, неизмѣнное чутье и тяготѣніе къ цѣнностямъ духовнымъ въ обходъ цѣнностей матеріальныхъ, тяготѣніе, простиравшееся далеко за предѣлы матеріальныхъ цѣнностей и создавшее для русской литературы возможность свободно витать въ мірѣ духовномъ, гдѣ нѣтъ никакихъ разграниченій между вѣками или народами, гдѣ все человѣчество едино».

«И васъ еще называютъ варварами! Послѣ этого надо бы намъ самимъ оглянуться на себя и посмотрѣть, что понимаемъ мы подъ словами «культура» и «цивилизація»... Именно въ такое время, какъ наше, когда матеріалистическая европейская цивилизація какъ бы предаетъ насъ и

выказываетъ всю лживость своей сердцевины, именно въ такое время мы понимаемъ, что поэты и пророки были правы и что намъ необходимо, подобно вамъ и вашимъ великимъ писателямъ, вернуться въ нашихъ взглядахъ на жизнь къ простотѣ и искренности дикаря или ребенка, если только мы хотимъ вернуть себѣ миръ и свободу и создать новую, лучшую цивилизацію на развалинахъ той, которая готова рухнуть»...

Что же получается? Нѣмцы безконечно ошиблись какъ въ своихъ расчетахъ, такъ и въ своихъ аргументахъ. Они приняли за всю правду то, что въ настоящей Европѣ было однимъ изъ борющихся моментовъ. Предводительствуемые своей философіей, они бросились въ чистую феноменологичность, объявивъ всякую онтологію лишь модусомъ послѣдней. А настоящая-то Европа свято хранила въ подземныхъ нѣдрахъ свои связи съ истинно-Сущимъ. Ураганъ столкновенія съ Германіей мгновеннымъ порывомъ сдунулъ тучи новоевропейскаго пепла и интеллектуальнаго нигилизма, и на освобожденномъ, очищенномъ грозою мѣстѣ поднялись языки священнаго пламени.

Погасла, завуалировалась мрачною чернотою союзница Германіи—Европа Вольтера, энциклопедистовъ, Ренана, Тэна, Юма, Спенсера, Дарвина и вспыхнула противница Германіи—Европа Данте, Жанны д'Аркъ, Паскаля, Гюисманса, Шекспира, Мильтона, Карлейля, Рескина. Для той Европы убійственна логика нѣмецкой аргументаціи. Ученики во всѣхъ отношеніяхъ достойно и талантливо, даже геніально, продолжали своихъ учителей. Для этой же Европы вся феноменологическая мощь германизма съ его

внутреннимъ бездушіемъ и безсмысліемъ—есть кимвалъ звучащій и мѣдь звенящая. Франція, которая приникла къ своимъ святынямъ, можетъ съ праведнымъ гнѣвомъ пускать свои стрѣлы въ германскаго дракона, а Бельгія, идущая на Голгоѳу вмѣстѣ со своимъ чудеснымъ королемъ, имѣла внутреннее право презрительно отвѣтить на гнусныя предложенія Вильгельму: «Первая моя пуля—тебѣ».

VI.

Въ этой конфигураціи событій, сама собою намѣтилась линія глубочайшаго внутренняго единства между Россіей и Европой. Россію и Европу,—какъ бы ни старались замазать розовыми словечками эту пропасть наши почтенные западники,—всегда внутренно и духовно раздѣляло то, что теперь съ такою силою объективировалось въ подъявшемъ мечъ германизмѣ. Этотъ ужасный воспалительный процессъ начался въ Европѣ давно, и ни одинъ проницательный русскій человѣкъ, не измѣнивъ святынѣ народной вѣры, не могъ сказать безраздѣльнаго «да» Европѣ, объятой этимъ процессомъ. Даже Герценъ, въ своемъ сознаніи совершенно порабощенный Западомъ, и тотъ, увидѣвъ лицомъ къ лицу европейскую дѣйствительность, ужаснулся и растерялся. Проницательные русскіе относились къ Европѣ съ внутреннимъ антиномизмомъ. И любили, и ненавидѣли, и признавали, и отрицали въ одно и то же время. Для славянофиловъ Европа была великою духовною опасностью и «страною святыхъ чудесъ». Достоевскій, со свойственной ему страстью и безстрашіемъ, подчеркивалъ съ равной силою оба полюса:

«гніеніе Запада» и его «святыя чудеса». И въ чувствованіи «святыхъ чудесъ» Достоевскій и многіе славянофилы безусловно превосходили западниковъ, ибо западники преклонялись и благоговѣли лишь передъ тою двусмысленною серединою европейской цивилизаціи, которая потомъ нисколько не противилась переходу въ грандіозныя формы германскаго военнаго заговора, и были равнодушны къ подлиннымъ святынямъ европейской культуры [1]).

Отношеніе Россіи къ Европѣ стало чрезвычайно простымъ послѣ того, какъ отрицательныя, богоубійственныя энергіи запада стали сгущаться въ Германіи, какъ въ какомъ-то міровомъ нарывѣ,— и оттягивать весь воспалительный процессъ въ одно мѣсто. Когда вспыхнула война и на яву въ Бельгіи, Франціи и Англіи воскресли «святыя чудеса», между Россіей и этими странами установилось настоящее духовное единство. Съ этой Европою подвига и героизма, съ Европою вѣры и жертвы, съ Европою благородства и прямоты мы можемъ вмѣстѣ, единымъ сердцемъ и единымъ духомъ, творить единое «все-

---

[1]) Замѣчательны слова Достоевскаго: «Европа—но вѣдь это страшная и святая вещь, Европа! О, знаете ли вы, господа, какъ дорога намъ, мечтателямъ-славянофиламъ, по вашему ненавистникамъ Европы,—эта самая Европа, «страна святыхъ чудесъ»? Знаете ли вы, какъ дороги намъ эти «чудеса» и какъ любимъ и чтимъ, болѣе чѣмъ братски любимъ и чтимъ мы великія племена, населяющія ее, и все великое и прекрасное, совершенное ими? Знаете ли, до какихъ слезъ и сжатій сердца мучаютъ и волнуютъ насъ судьбы этой дорогой и *родной* намъ страны, какъ пугаютъ насъ эти мрачныя тучи, все болѣе и болѣе заволакивающія ея небосклонъ? Никогда вы, господа, наши европейцы и западники, столь не любили Европу, сколько мы мечтатели-славянофилы, по вашему исконные враги ея!..»

ленское дѣло». Мы должны быть безконечно благодарны чутью и такту нашей дипломатіи, которая чуть ли не въ первый разъ въ нашей исторіи оказалась на дѣйствительной высотѣ и поставила насъ въ міровомъ конфликтѣ рука объ руку съ тѣми странами и съ тѣми народами, съ которыми у насъ есть подлинная общность въ самыхъ глубокихъ и въ самыхъ духовныхъ нашихъ стремленіяхъ. Но мы не должны забывать и того, что политическій союзъ съ странами Западной Европы осмысливается и освящается для насъ высотою духовныхъ цѣлей, насъ объединяющихъ, и что мы подружились съ ними не на ненависти къ общему врагу, а на любви и привязанности къ родственнымъ и близкимъ святынямъ. Этотъ моментъ чрезвычайно обязываетъ. Какъ бы ни была значительна и огромна война, съ болѣе общихъ точекъ зрѣнія судебъ Европы и Россіи, она все же преставляется только началомъ новаго періода исторіи, въ которомъ духовныя силы Востока и Запада станутъ въ какія-то новыя, творческія и небывалыя еще соотношенія, и Европѣ въ дружномъ сотрудничествѣ съ Россіей придется пересмотрѣть, въ свѣтѣ пережитого «онтологическаго» опыта войны, всѣ основы своего духовнаго бытія и найти новые пути дальнѣйшаго культурнаго и духовнаго развитія.

Объ этомъ раздаются краснорѣчивые голоса и на Западѣ. Въ упомянутомъ обращеніи англійскихъ литераторовъ къ русскимъ съ большой силою говорится:

«Несомнѣнно, и Франція и Великобританія примутъ широкое участіе въ выполненіи этой задачи своею доброю волею, своею мудростью, но вашей странѣ суждено внести въ эту работу нѣчто свое, безраз-

дѣльно ей принадлежащее... Такъ вотъ, когда наступитъ конецъ, когда можно будетъ вздохнуть, тогда поможемъ другъ другу вспомнить, въ какомъ порывѣ и во имя чего взялись за оружіе наши союзные народы, и начнемъ рука объ руку работать въ преобразованной Европѣ, оберегая слабыхъ, освобождая угнетенныхъ, стремясь къ тому, чтобы навсегда исцѣлить раны, нанесенныя страдающему человѣчеству, все равно—нами или нашими врагами».

Да! будемъ дѣйствительно помнить, во имя чего мы взялись за оружіе и какой порывъ объединилъ насъ съ Европой. Не будемъ забывать, что внутренно, по совѣсти, въ нашей духовной глубинѣ, мы сошлись съ Европой на общемъ почитаніи святынь. Съ Франціей насъ спаяла вѣра въ небесныя силы; съ Бельгіей вмѣстѣ мы религіозно признаемъ исконное благородство человѣческой природы, то божественное ея достоинство, которое не можетъ быть утеряно ни въ какихъ обстоятельствахъ историческаго бытія и которое въ крайнихъ катастрофическихъ случаяхъ чудесно возстановляется добровольно принятой Голгоѳой; съ Англіей соединила насъ вѣра въ святость человѣческихъ словъ и коллективныхъ обязательствъ, признаніе ненарушимости права и договоровъ, внутренно связанныхъ не съ феноменологической фикціей «справедливости», а со справедливостью онтологическою, божественною. Вотъ что, поистинѣ, въ духѣ и совѣсти породнило и совершенно объединило насъ съ Европой. И для того, чтобы это стало окончательно яснымъ, перейдемъ къ разсмотрѣнію мѣста Россіи въ свершающихся событіяхъ.

ЛЕКЦІЯ ВТОРАЯ.

I.

У насъ много спорятъ о національныхъ лицахъ, о сущности Россіи, о нашихъ народныхъ идеалахъ. Но иногда такъ хочется отвлечься отъ всякихъ споровъ. Вѣдь загадка Россіи—вопросъ не только программы, политики или внѣшняго поведенія. Онъ стоитъ передъ сердцемъ, какъ проблема внутренняго нашего самосознанія и интимнаго самочувствія. И вотъ съ этой внутренней точки зрѣнія мнѣ хотѣлось бы сейчасъ охарактеризовать «реаліорную» дѣйствительность русскаго духовнаго бытія такъ-какъ она видится извнутри, а не извнѣ.

Въ изумительномъ сочетаніи въ Россіи сплетаются антиномическіе дары: дары Пороса—Изобилія, и дары Пеніи—Бѣдности, Нищеты. И въ этомъ странномъ сплетеніи, та умильная, страдальческая складка, которая отличаетъ ее отъ всѣхъ другихъ народовъ, Россія—страна величайшаго напряженія духовной жизни. Въ ея сердцѣ—вѣчная Ѳиваида. Все солнечное, все героическое, все богатырское, слѣдуя высшимъ призывамъ, встаетъ покорно со своихъ родовыхъ мѣстъ, оставляетъ отцовъ, матерей, весь бытъ и

устремляется къ страдальному сердцу родимой земли, обручившейся со Христомъ—къ Ѳиваидѣ. И все, что идетъ по этой дорогѣ,—по пути подвига, очищенія, жертвы,—дойдя до извѣстнаго предѣла, вдругъ скрывается съ горизонта, пропадаетъ въ пространства, одѣвается молчаніемъ и неизвѣстностью. Сѣмена божественнаго изобилія точно землей покрываются, и растутъ, и приносятъ плоды въ тайнѣ, въ тишинѣ, въ закрытости. Дары Пороса, богатства нетлѣнныя, сочетаются съ дарами Пеніи, которая облекаетъ ихъ въ «рабій зракъ», которая съ ревностью и съ заботою убираетъ ихъ нищетою, незамѣтностью, какимъ-то феноменологическимъ «отсутствіемъ». Въ сердцѣ зрѣетъ, растетъ святая Русь, населяется новыми насельниками, расцвѣтаетъ новыми цвѣтами, пылаетъ новыми пламенниками, а съ виду ровно ничего какъ будто и не происходитъ. Таинство русской жизни творится въ безмолвіи. И проникнуть въ него можно лишь «вѣрою», лишь любовью.

Народъ безпредѣльно вѣритъ въ сердце свое и не смущается его скрытностью. Для него Ѳиваида, эѳирный планъ святой Руси,—такая же безусловная и простая реальность, какъ для Платона идеи. Каждый, пребывающій въ живой связи народной вѣры, смотритъ съ хорошимъ и простымъ чувствомъ на «тѣхъ», богоизбранныхъ, Богомъ призванныхъ, которые направляются къ Ѳиваидѣ, и—когда они исчезаютъ въ планы эѳирные—крестится имъ во слѣдъ, вздыхаетъ глубокимъ вздохомъ и помнитъ, больше всего въ жизни помнитъ объ этомъ живомъ прохожденіи Бога. Иные, увидѣвъ стремительный летъ, и сами снимаются съ мѣстъ, и тогда имъ во слѣдъ другіе

крестятся и кланяются до земли. Поэтъ чутко схватилъ эту особенность русской духовной жизни:

«Ты святися, наша мати, Земля Святорусская!
На твоемъ ли просторѣ великомъ,
На твоемъ ли раздольѣ широкомъ,
Что промежъ Студенаго моря и Теплаго,
За тѣми лѣсами высокими,
За тѣми озерами глубокими,
Стоитъ гора до поднебесья.
Ужъ и къ той ли горѣ дороги неѣзжены,
И тропы къ горѣ неторены,
А и конному пути заказаны,
И пѣшему заповѣданы;
А и Господь ли кому тѣ пути открылъ,—
И того слѣды неслѣжены.
Какъ на той на горѣ свѣтловерхой
Труждаются святые угодники,
Подвизаются вѣрные подвижники,
Ставятъ церковь соборную, богомольную;
А числомъ угодники нечислены,
Честнымъ именемъ подвижники неявлены,
Неявлены-неизглаголаны [1])...

И когда изъ таинственныхъ и невидимыхъ сферъ народнаго подвига, срастворившись съ сердцемъ родимой земли, къ народу выходятъ угодники и святые, ихъ сила, никого не насилующая, ихъ власть, никого не принуждающая, ихъ пламень, ничего не попаляющій, опять чудесно разубранъ дарами небесной Пеніи, и невидимы они въ своей святости для тѣхъ, кто не хочетъ видѣть, и богатое слово Бога,

---

[1]) Вяч. Ивановъ. Кормчія Звѣзды, П-дъ. 1903. Стихъ о Святой горѣ.

звучащее черезъ нихъ, нѣжно поитъ припадающихъ, оставаясь неслышимымъ и недоказуемымъ для внѣшняго слуха.

Тѣ, у которыхъ не раскрылось «второе зрѣніе», тѣ, кто глухи къ тихой поступи божественныхъ приближеній, — тѣ просто отрицаютъ неявленную явь святой Руси и, отрицая, пребываютъ въ самомъ рѣшительномъ и тонкомъ отрывѣ отъ народа. Покровы Пеніи для нихъ послѣдняя дѣйствительность, за которой они ничего не чувствуютъ, и божественные дары невидимости и закрытости для нихъ просто небытіе и отсутствіе. Никакимъ внѣшнимъ ключемъ не отворить этой внутренней запечатлѣнности духовныхъ сокровищъ Россіи, и никакому любопытству, никакой суетѣ не проникнуть за завѣтную черту.

II.

Эта глубинная особенность сердца Россіи создаетъ особый замысловатый стиль русской душевности. Если можно говорить о томъ, что глубина народнаго духа является въ нѣкоторомъ смыслѣ апріорнымъ началомъ и формующимъ принципомъ для индивидуальныхъ сознаній, то эта проникнутость глубиннаго сердца Россіи Ѳиваидой предопредѣляетъ въ душахъ русскихъ людей отсутствіе вѣры во что бы то ни было внѣшнее и вещное, въ себѣ замкнутое, относительное. Самая плоть русской души уже пронизана зачаткомъ духовности, и остріемъ ея выжжена нѣкая точка, точка безусловности, которой не могутъ одолѣть никакія условія жизни и никакіе мысленные плѣны. Изъ этой точки родится все подлинно русское въ положительномъ смыслѣ слова.

На низшихъ ступеняхъ: тоска, уныніе, смутное недовольство, та постоянная «изжога» неудовлетворенной воли, которую съ такой силой пережилъ Сковорода въ первую пору своей жизни; на ступеняхъ дальнѣйшихъ: порывы, душевныя бури, скитальчество, вѣчное недовольство достигнутымъ; еще выше—воспламененіе всей души, возгораніе всего существа и, наконецъ, побѣдное, серафическое овладѣніе земными стихіями.

Изъ такого душевнаго матеріала въ Россіи создается особая культура, т.-е. особыя формы душевной и духовной дѣятельности, направленной на воплощеніе и на матеріализацію внутреннихъ энергій и замысловъ. Вопреки общему мнѣнію, культура Россіи очень стара. Недавно объ этомъ заговорили довольно громко. Историки искусства, какъ только стали изслѣдовать дѣло фактически, съ изумленіемъ должны были констатировать геніальное своеобразіе старой русской архитектуры. Когда же копнули старую живопись, то изумленіе было еще бо́льшимъ. Энтузіастъ Италіи, тонкій цѣнитель живописныхъ чудесъ треченто и кваттроченто, П. П. Муратовъ, сталъ говорить даже, что старая русская живопись выше итальянской. И вотъ раздаются уже голоса, что элинская культура единственное живое продолженіе свое находитъ на православномъ Востокѣ, а съ опредѣленнаго времени преимущественно въ Россіи, подобно тому какъ культура римская имѣетъ продолженіе на Западѣ, въ странахъ романскихъ. Но и тутъ Пенія сдѣлала свое дѣло. Врядъ ли кто-нибудь станетъ отрицать историческую «запечатлѣнность» старо-русской культуры. Ее открываютъ какъ какую-то Америку и съ удивленіемъ

начинаютъ видѣть то, что столѣтія стояло среди бѣла дня на улицахъ и площадяхъ. Съ Петра Великаго, принужденіемъ Промысла и исторіи, взрослый русскій человѣкъ посылается въ учебу новому Западу. Онъ долженъ былъ на время оставить свою духовную утонченность, загрубѣть и поучиться полезному, нужному, пріобрѣсти нѣкоторые технически-усовершенствованные земные органы, ибо съ Запада шла гроза и возможность поглощенія и завоеванія. Путемъ заимствованія и ученичества нужно было создать приспособленіе русской периферіи къ новымъ условіямъ надвигавшагося на міръ «желѣзнаго вѣка». Съ тѣхъ поръ въ Россіи брошены сѣмена новой культуры, и вотъ въ этомъ второмъ культурномъ созиданіи русскій народъ, дѣйствительно, молодъ и юнъ и только приступаетъ къ настоящимъ своимъ масштабамъ.

Двувозрастная культура русская, несмотря на различіе формъ, едина по духу, по глубинному устремленію. Старая русская культура вся пронизана религіознымъ онтологизмомъ. Ея особенность—фантастическая узорчатость сказочно-дѣтскаго воображенія въ соединеніи съ эллинской чистотою тонковолнистой линіи, и все—въ строгомъ тоносѣ таинственной іератичности, почти литургичности. Въ новой русской культурѣ—та же проникнутость религіознымъ онтологизмомъ, только изъ данности онъ превратился въ заданіе, изъ исходнаго пункта въ конечный, изъ основы и корня въ «родимую цѣль», въ желанную энтелехію. Умершее зерно первой фазы русской культуры, имѣвшей свои подлинныя достиженія и въ этомъ смыслѣ особый утонченный духовный классицизмъ, проростаетъ въ новой

русской культурѣ, какъ проблески новаго всемірнаго сознанія, какъ возможности, имѣющія охватить небо и землю, «страны, вѣка и народы». И проростаніе умершаго зерна идетъ въ атмосферѣ страстной борьбы и патетическихъ столкновеній. Потокъ новоевропейской культуры, стремительно вливаясь въ море русской жизни, образуетъ буруны, волненія, водовороты. На гребняхъ вскипаетъ пѣна литературныхъ споровъ. Ярость борющихся и вздыбившихся другъ на друга стихій лучше всего доказываетъ дѣйствительную и глубочайшую разноприродность культуры, которая въ насъ втекаетъ, и нашего коренного и неотмѣннаго «морского состава».

III.

Культура новаго Запада съ Возрожденія идетъ подъ знакомъ откровеннаго разрыва съ Сущимъ и ставитъ себѣ задачей всестороннюю внѣшнюю и внутреннюю секуляризацію человѣческой жизни. Джоберти называлъ это «психологизмомъ», распространяя его на всѣ стороны новой западной культуры, такъ что дѣло Лютера было для него «психологизмомъ религіознымъ», а дѣло французской революціи «психологизмомъ политическимъ». Въ его духѣ соціализмъ XIX вѣка можно назвать «психологизмомъ соціальнымъ». Въ этой характеристикѣ есть глубокая острота, схватывающая самыя основныя и существенныя черты въ потокѣ новоевропейской исторіи. Да! Новая культура Запада проникнута паѳосомъ ухожденія отъ небеснаго Отца, паѳосомъ человѣческаго самоутвержденія, принимающаго человѣкобожескія формы, паѳосомъ разрушенія всякаго транс-

цендентизма, паѳосомъ внутренняго и внѣшняго феноменализма.

Русская культура проникнута энергіями полярно иными. Ея самый глубинный паѳосъ—паѳосъ мірового возврата къ Отцу, паѳосъ утвержденія трансцендентизма, паѳосъ онтологическихъ святынь и онтологической Правды. Западная культура, врываясь въ исконно русскій ритмъ жизни, вызываетъ огромныя «возмущенія» духа. Она захватываетъ часть русской стихіи, и борьба переходитъ на русскую почву, становится внутреннимъ вопросомъ русскаго сознанія и русской совѣсти. Тамъ, гдѣ идетъ свалка борьбы, неизбѣжно получается замутненіе, какое то взаимное нейтрализированіе. «Трубочистъ» и «мельникъ»—бѣлый и черный—въ долгомъ бореніи оба теряютъ свою первоначальную окраску, оба превращаются во что-то сѣрое, среднее между бѣлымъ и чернымъ. Тамъ, гдѣ рѣка вливается въ море, получается нѣкая полоса смѣшанной воды, въ которой нѣтъ ни чистоты рѣчной «субстанціи», ни настоящаго морского состава. Но надъ этими средними и серединными интелигентными массами духъ народный изъ глубинъ своихъ вулканически воздвигаетъ горные кряжи и массивы чистѣйшаго національнаго гранита. Посмотримъ, куда стремится духъ народный въ геніальныхъ вершинахъ его культурнаго самосознанія,—и въ направленіи, въ духовномъ устремленіи русской культуры не останется никакого сомнѣнія. Достоевскій—вѣдь это сплошной гимнъ возврату, гимнъ экстатическій, гимнъ полифонный, съ голосами всѣхъ разрозненныхъ русскихъ стихій, даже больше: по замыслу—во всемірной, всечеловѣческой инструментовкѣ. И когда съ этихъ вер-

шинъ на серединныя полосы русскаго культурнаго сознанія бросается добрый, жалѣющій взглядъ художника изъ глубины,—тогда вдругъ все это царство маленькихъ «сѣрыхъ» людей, «полупрѣсныхъ», «полусоленыхъ», окружается аурой глубокой тоски, величайшей, внутренней неудовлетворенности, снѣдающей печали; и сумеречный міръ чеховскихъ героевъ жалобнымъ и малосильнымъ хоромъ вливается въ ту же симфонію возврата.

Западная культура съ Петра Великаго перестала быть для насъ трасцендентной. Она влилась въ насъ и дальше будетъ продолжать вливаться, и первая глубоко-русская реакція на нее—это актъ глубочайшаго покаянія. Возврату логически предшествуетъ отказъ отъ дальнѣйшаго ухожденія. Есть и на Западѣ благородные покаянные голоса,, но «теченіе» сильнѣе голосовъ. Въ Россіи же съ этихъ голосовъ начинается новое теченіе, ибо съ голосами солидарна народная глубина, а въ народной глубинѣ несокрушимая твердыня духа—Ѳиваида. То, что моментъ покаянія происходитъ на нашей «землѣ,—смыкаетъ «концы» и «начала». Весь процессъ новаго Запада черезъ это ставится въ связь съ эѳирнымъ планомъ святой Руси, т.-е. съ православнымъ Востокомъ, со святыней церковной. На вселенскихъ просторахъ русской культуры должна уничтожиться вся раздѣльность мѣстныхъ культурныхъ процессовъ, обличиться ихъ убогость, и вся исторія человѣчества должна быть осознана какъ единая драма и единое дѣло. Всемірный возвратъ къ Отцу, къ небесамъ, къ духу можетъ осуществляться лишь при условіи, что многообразныя формы новоевропейскаго «ухожденія» отъ Отца будутъ внутренно преодолѣны

нѣкоторыми специфическими утвержденіями, ихъ снимающими. А это значитъ, что къ Западу мы должны стать совсѣмъ въ новыя отношенія, всегда постулировавшіяся всѣмъ духомъ славянофильскихъ доктринъ.

Въ самомъ Западѣ мы толжны возбудить его заснувшую Мнемосину и воскресить его онтологическіе моменты, т. е. все, что въ Западѣ было вѣрно Отцу и небесамъ. Во вторыхъ, мы должны воспользоваться всѣмъ отрицательнымъ опытомъ западнаго ухожденія для того, чтобы закалить свою волю противъ новыхъ и сильнѣйшихъ формъ возстанія на Отца, которыя съ возрастающей силою будутъ утверждаться въ мірѣ, кругомъ насъ, а, можетъ быть, и въ нашей средѣ. Во имя Запада онтологическаго мы должны пребывать въ непрерывной, священной борьбѣ съ Западомъ феноменологическимъ. И любя безсмертную душу Запада, чувствуя свое умопостигаемое единство съ его субстанціей, мы должны на смерть бороться съ дурными, внутренно гнилостными модусами его историческихъ манифестацій.

IV.

И вотъ тутъ насъ должна поразить странная черта въ грозныхъ событіяхъ настоящаго момента. На подобіе того, какъ у Гомера героическое дѣйствіе съ постоянствомъ высшаго духовнаго закона развертывается въ двухъ планахъ: въ планѣ божественномъ и въ планѣ человѣческомъ, и его разсказъ то касается духовныхъ первопричинъ событій, а то нисходитъ въ гущу человѣческихъ страстей и столкновеній, отчего послѣднія осмысливаются выс-

шимъ смысломъ и озаряются божественнымъ свѣтомъ, — подобно этому въ героическомъ и трагическомъ эпосѣ нашихъ дней мы не можемъ не различать явнаго сплетенія двухъ плановъ: дѣйствія высшихъ духовныхъ силъ и сцѣпленія эмпирическихъ силъ исторіи. Картина соотношеній между Востокомъ и Западомъ, между Россіей и Европой, которая была только что обрисована, сама, изъ своей собственной идеи, постулируетъ, во-первыхъ, то всемірно-историческое столкновеніе народовъ и движущихъ ими идей, которое мы имѣемъ въ настоящей европейской войнѣ, во-вторыхъ, то самое соотношеніе силъ и національностей, какое мы въ ней наблюдаемъ.

Паѳосъ ухожденія отъ Отца, паѳосъ человѣкобожескаго сознанія и чисто феноменалистической культуры съ величайшею яркостью сосредоточился въ германствѣ и закономѣрно привелъ его къ рѣшенію насильственно утвердить во всемъ мірѣ отрывъ отъ Сущаго, устроить всю міровую жизнь на трансцендентальныхъ началахъ. Въ отношеніи онтологическихъ культуръ и онтологическихъ силъ, дѣйствующихъ и проявляющихся въ современности, мечъ Германіи занялъ то самое «сѣкущее» и уничтожающее положеніе, какое еще раньше философія Канта заняла по отношенію ко всей онтологіи человѣческаго познанія и сознанія [1]). То, что въ «духѣ» знаменуетъ позиція Канта, то въ планѣ физическомъ пытаются сдѣлать полчища Гинденбурга. Противъ послѣднихъ двинулись рати Россіи и въ физическомъ планѣ стали кровью своею утверждать то,

[1]) Ср. мои статьи: „Отъ Канта къ Круппу“ и „Сущность нѣмецкаго феноменализма“, въ сборникѣ „Мечъ и Крестъ“.

что въ планѣ духовномъ цѣлые вѣка было народной святыней. Онтологическое царство неявленной яви, запечатлѣнная «эѳирная» дѣйствительность святой Руси—вотъ что соотвѣтствуетъ «въ духѣ» ратному напряженію Россіи на тысячеверстномъ фронтѣ. Итакъ, вверху, въ планахъ духовныхъ, паѳосъ возстанія на Отца встрѣчается съ паѳосомъ возврата къ Отцу,—демонъ одного народа обнажаетъ свой мечъ противъ Ангела другого народа, внизу же, въ физическомъ планѣ, милліонныя арміи нѣмцевъ наступаютъ на милліонныя арміи русскихъ.

Но я сказалъ еще, что нарисованная выше картина объясняетъ не только одно столкновеніе, но и самое соотношеніе силъ и народностей. Да, міровая ситуація основныхъ духовныхъ силъ и тенденцій предопредѣлила собою въ физическомъ планѣ группировку державъ, ту самую, которую мы и видимъ въ дѣйствительности. Все онтологическое въ Европѣ должно было стать противъ Германіи и ея адскаго замысла. Когда Германія, вѣрная себѣ и своимъ духовнымъ вождямъ, практически перешла какую-то точку здоровой жизненной честности (а честность—послѣдній остатокъ онтологичности), по всему міру прошелъ подземный соединительный токъ, и Бельгія, Франція, Англія, естественно, въ духѣ и правдѣ, объединились съ Россіей и принялись сообща съ нею дѣлать единое «вселенское дѣло».

V.

Говоря о «вселенскомъ дѣлѣ» мы тѣмъ самымъ изъ чисто внутреннихъ категорій, въ которыхъ до сихъ поръ шло изложеніе, выходимъ къ категоріямъ внут-

ренне-внѣшнимъ, и изъ сферы духовныхъ силъ и энергій къ задачамъ міровой политики Россіи. Но эта тема требуетъ отдѣльной трактовки. Мы ея касаться сейчасъ не будемъ. Намъ бы хотѣлось закончить характеристику духовныхъ силъ и идей, которыя столкнулись въ настоящей войнѣ, въ терминахъ чисто внутреннихъ, а не внѣшнихъ.

Къ сожалѣнію внѣшнее слишкомъ часто закрываетъ отъ насъ внутреннее. Лозунги и программы, которыя въ комплексѣ духовной жизни являются чѣмъ-то безусловно производнымъ, имѣющимъ свой смыслъ лишь въ силу своего отношенія къ моментамъ глубиннымъ и онтологическимъ, принимаются массами—ненародными, конечно,—за нѣчто самодовлѣющее, благодаря чему становятся часто началами отвлеченными, теряющими даже тотъ небольшой подчиненный смыслъ, который они могли бы, при другомъ отношеніи, сохранять. На внѣшнемъ сходятся партіи; на внутреннемъ созидается національное бытіе. На внѣшнемъ слишкомъ часто густымъ слоемъ ложится «пыль земли». Внутреннее входитъ въ нетлѣнную сокровищницу народнаго духа. Если мы взглянемъ на происходящую борьбу не окомъ политика, взвѣшивающаго внѣшніе результаты, ждущаго опредѣленнаго разрѣшенія задачъ на физическомъ планѣ нашего существованія, а окомъ духовнаго наблюдателя, который оцѣниваетъ вещи по ихъ идеальной сущности и разсматриваетъ событія въ ихъ эѳирной и вѣчной очерченности,—то картина войны дастъ намъ ослѣпительныя проявленія глубины народнаго духа и воочію, почти осязательно докажетъ неложность вѣры народной въ свое «духовное тѣло», въ свое умопостигаемое таин-

ственное второе бытіе. При этомъ я имѣю въ виду, прежде всего и почти исключительно, столь ярко уже очертившійся духовный обликъ нашей скромной, героической арміи. Война—большой экзаменъ. Она разоблачаетъ скрытыя язвы и вдругъ показываетъ, до какого болѣзненнаго состоянія дошелъ организмъ народный; но она выявляетъ и скрытыя достоинства, и скрытыя здоровыя силы. Первые же мѣсяцы Крымской войны обнаружили, до какого одряхлѣнія была доведена государственная мощь Россіи въ послѣдніе годы крѣпостного права, и первые же мѣсяцы настоящей войны съ наглядностью и убѣдительно показали, какихъ огромныхъ внутреннихъ успѣховъ достигла Россія послѣ неудачъ и катастрофъ японской войны.

На этомъ историческомъ экзаменѣ все интересно и все захватывающе. Но, быть можетъ, всего интереснѣе тотъ духовный обликъ народа, который обрисовывается непреднамѣренно и безсознательно и въ то же время дѣйственно и актуально, въ быстромъ развертываніи огромныхъ событій и величайшихъ потрясеній. И, конечно, самый трудный моментъ экзамена приходится на воинство, въ которомъ въ эпоху міровой войны сосредоточивается само остріе народныхъ энергій и народнаго характера. Повторяю, я говорю сейчасъ объ арміи не какъ о вооруженномъ органѣ русскаго государства, не какъ о внѣшней и грозной силѣ, которая спасаетъ насъ отъ нѣмецкаго Drang'a, а исключительно о ея духовномъ обликѣ, о тѣхъ глубинныхъ свойствахъ народа нашего, которыя ярко обнаружились въ тягостныхъ потрясеніяхъ чудовищной борьбы.

Вся настоящая война состоитъ изъ какихъ-то сплошныхъ «рекордовъ». Всѣ высшія точки, которыя достигались въ предшествующихъ столкновеніяхъ народовъ, оказываются превзойденными. И важно и характерно, что побиваются рекорды не только прежнихъ количествъ и цифръ: это было бы неважно,—не все ли равно, сталкиваются ли сотни тысячъ людей или милліоны? тянется ли линія боевыхъ дѣйствій на десятки или на сотни верстъ? Возросли масштабы внутреннихъ напряженій, и то величайшее сосредоточеніе воли, на которое оказалось способнымъ человѣчество въ XX вѣкѣ, поистинѣ безпримѣрно.

Немыслимыя, небывалыя напряженія убѣдительно выясняютъ, что за спиною слабаго индивидуума стоятъ мощные духовные коллективы; и индивидуумъ становится способнымъ выходить за всѣ грани своихъ личныхъ силъ и дарованій, благодаря внутреннему единству своему съ огромными массами энергій, накопившимися и вырабатывающимися въ соборномъ организмѣ націи. Между индивидуумомъ и націею, стоящею у него за спиною, приблизительно то же соотношеніе, что между уровнемъ воды въ сообщающихся сосудахъ. При чемъ самая проникнутость индивидуума стихіями націи и его жертвенная вѣрность имъ предъ лицомъ всѣхъ ужасовъ войны, до смерти и даже до презрѣнія къ пыткамъ (Панасюкъ, Макуха), являются особенностью тѣхъ силъ, которыми сама нація проникнута. Если законъ соотношенія между индивидуумомъ или группами и національнымъ коллективомъ является общимъ для всѣхъ народовъ, находящихся въ борьбѣ, и столько же относится къ Франціи или Россіи, сколько и къ

Германіи, то формы этого соотношенія у каждаго изъ народовъ свои, запечатлѣны безусловнымъ качественнымъ своеобразіемъ и потому глубоко другъ отъ друга отличны. То, что стоитъ за спиною русскаго солдата, рѣшительно противоположно тому, что стоитъ за спиною нѣмецкаго солдата, и очень отличается отъ того, что стоитъ за спиною солдата англійскаго или французскаго.

Меня сейчасъ интересуетъ не сравнительная характеристика національныхъ особенностей духа въ арміяхъ, участвующихъ въ настоящей войнѣ, а выясненіе безотносительныхъ духовныхъ особенностей арміи русской, совершенно независимо отъ того, какимъ духомъ проникнуты и союзныя намъ арміи, и арміи непріятельскія.

VI.

Бываетъ такъ, что народъ, которому грозитъ смертельная опасность, непосредственная и близкая, проявляетъ вдругъ чудеса напряженія. Такъ было съ маленькой героической Сербіей. Третье австрійское нашествіе съ подавляющими силами заставило сербскую армію, усталую, обезсиленную, малочисленную, плохо одѣтую, плохо вооруженную, уходить въ глубь страны съ мрачнымъ отчаяніемъ. Это было уже не временное отступленіе, а начало конца, настоящая агонія цѣлаго народа, на шеѣ котораго быстро затягивалась безжалостная петля тевтонскаго нашествія. Австрійцы съ ликованіемъ вступили въ Бѣлградъ. Дальше оставалось лишь добить изнеможенныхъ въ неравной борьбѣ. И вдругъ чудесный порывъ овладѣлъ сербами. Огромная армія австрійцевъ

бурнымъ натискомъ была опрокинута, страна молніеносно отъ нихъ очищена, и плѣнными сербы захватили почти тѣ же десятки тысячъ, изъ которыхъ состояла ихъ собственная армія.

Такой точки смертельной опасности не могло быть въ Россіи. Какъ ни велика борьба, какъ ни велико ея напряженіе, но потенціальныя нетронутыя силы Россіи еще больше, еще громаднѣе. Поэтому необычайныя напряженія, являемыя въ настоящей войнѣ нашимъ воинствомъ, не могутъ быть объяснены таинственнымъ расцвѣтомъ всего запаса силъ предъ лицомъ смертельной опасности. Это особенно видно на примѣрѣ Кавказа.

Несомнѣнно, Кавказъ второстепенный театръ войны. Если бы турки овладѣли Кавказомъ, это было бы большимъ несчастіемъ для мѣстныхъ жителей, но на ходъ европейской войны это не могло бы оказать рѣшительнаго вліянія. Для войскъ, сражавшихся съ турками, Кавказъ не былъ родиной, такъ что не мѣста родныя они защищали. Тамъ особенно прославились сибиряки, привезенные за тысячи верстъ, и терскіе пластуны. И вотъ тутъ разыгралась такая же самая, чудесная исторія, что и въ Сербіи. Опять неравенство силъ было подавляющее.

Турки ломились со всѣхъ сторонъ густыми колоннами и достигли значительныхъ успѣховъ. Мѣстные жители, аджарцы, были на ихъ сторонѣ. Турецкіе корпуса должны были сдерживаться нашими полками. И все это въ условіяхъ, почти невообразимыхъ для тѣхъ, кто не знаетъ этой части Кавказа. Обледенѣлыя кручи, снѣжныя бури, морозъ въ 30—35°, почти полное отсутствіе путей сообщенія.

И вотъ, одиннадцать дней зимняго боя на высотѣ, которой до сихъ поръ не знала военная исторія, приводятъ къ результатамъ непостижимымъ: турки отброшены, энергія ихъ наступленія сломлена навсегда. Взяты въ плѣнъ корпуса со штабомъ. Мнѣ приходилось разговаривать съ ранеными солдатами съ этого фронта. Это кротчайшіе люди, съ дѣтскими улыбками, съ мягкосердечіемъ изумительнымъ.

Въ чемъ же тайна ихъ непостижимой стойкости? Въ дисциплинѣ? Но вѣдь у насъ нѣтъ муштры въ войскахъ. За внѣшнюю дисциплину никто еще не хвалилъ русскаго солдата. Простое повиновеніе слову, командѣ въ немъ вовсе не велико.

Можетъ быть, въ физической выносливости? Но вѣдь въ этомъ смыслѣ турки—настоящіе «черти». И крѣпки, и ловки, и нетребовательны, и храбры. Дай Богъ сравняться съ ними! Вооруженіе у нихъ не хуже. Сражаются «у себя», въ горахъ. Въ чемъ же дѣло?

Вѣдь бьетъ же русскій солдатъ и турокъ, и нѣмцевъ, и австрійцевъ, и мадьяръ, и въ условіяхъ почти сплошь и всегда неравныхъ. Ломитъ перевѣсъ одной силы другою силою. И особенно любопытно то, что расцвѣтаетъ эта другая сила ослѣпительно: прямо пропорціонально тяжести внѣшнихъ условій, когда создается положеніе почти полной безвыходности. Точно для того, чтобы вспыхнула она, нуженъ накалъ необычной напряженности, накалъ, выходящій за всѣ предѣлы вѣроятія. Когда начинаетъ бить молотъ гигантскихъ размѣровъ, когда удары его сбиваютъ одно за другимъ всѣ обычныя внѣшнія условія, тогда въ русской душѣ просыпается какая-то спящая сила, и явленіе ея всегда бываетъ потря-

сающимъ. Исполняясь ею, люди средніе становятся исполинами, героями. Вмѣсто людей въ сѣрыхъ шинеляхъ мы видимъ вдругъ живой сѣрый гранитъ, который рѣшительно неподвластенъ обычнымъ законамъ человѣческаго существованія. И это совсѣмъ не вакхическій экстазъ сраженія, не ярость Ареса, ибо самъ Аресъ побѣждается этою силою. Этотъ моментъ есть явленіе народнаго духа, внезапное вторженіе онтологіи народнаго существа.

Выходитъ наружу, на минуту явнымъ становится то, что обычно таится въ темныхъ глубинахъ, и оказывается, что въ русской народной душѣ, въ какой-то большой глубинѣ, проходятъ обильные пласты внутренняго гранита. И горе тѣмъ, кто съ враждебными цѣлями достучится въ Россіи до этой скрытой гранитной твердыни народнаго существа.

Ее не разъ и штурмовали,
Кой-гдѣ срывали камня три;
Но напослѣдокъ отступали
Съ разбитымъ лбомъ богатыри...

(Тютчевъ).

То, что въ гранитѣ обычномъ составляетъ статическія свойства—твердость, стойкость, несокрушимую силу, то въ гранитѣ живомъ, въ гранитѣ второй, духовной потенціи, является живыми динамическими опредѣленіями. Въ немъ сущность гранита имѣетъ второе «потенцированное» свое явленіе, и если для реализаціи его потребуются исключительныя обстоятельства, то тѣмъ болѣе значительнымъ представляется оно и важнымъ по своему внутреннему смыслу.

VII.

Вѣками духовной жизни созидался этотъ гранитъ. Вѣками происходило внутреннее и невидимое строеніе русской души. Десятки поколѣній складывали сюда свою духовную силу, и родная земля вѣрно хранила и умножала сокровища народнаго духа. Во все время своей исторіи русскій народъ не только расширялся мощнымъ ростомъ по лицу земли, создавая державу невиданныхъ размѣровъ, но и вросталъ вглубь подвигомъ лучшихъ своихъ людей, приникая все крѣпче и крѣпче къ сердцу родимой земли. Насколько движеніе вширь было подвластно законамъ «міра сего» и разливалось по широкимъ дорогамъ, на которыхъ смѣшаны добро и зло, правда и обманъ, свобода и произволъ,—настолько ростъ вглубь есть процессъ очистительный, процессъ освобожденія отъ всѣхъ надземныхъ стихій, процессъ стяжанія Духа и Правды. Параллельно росту могущества русскаго царства и созиданію Великой Россіи, тайники народной души отдаютъ свои лучшія силы на невидимое строительство Божьяго града, на созиданіе и завоеваніе умопостигаемой небесной родины—святой Руси.

Отложеніе «гранита», или костяка народнаго организма, связано съ этимъ вторымъ и скрытымъ процессомъ духовнаго роста. То, что является несокрушимымъ гранитомъ въ историческомъ дѣйствіи, есть не что иное какъ присутствіе силъ высшаго порядка, какъ неожиданная манифестація таинственной глубины народа, какъ мгновенное явленіе его умопостигаемаго характера. Залежи гранита — это

громадные резервуары накопленной вѣками духовной энергіи. Съ трудомъ переводимая въ «кинетическое» состояніе, энергія эта, когда начнетъ выявляться, повергаетъ въ изумленіе своею молніесносною дѣйственностью и живою своею безконечностью. Личная доблесть воиновъ дѣйствуетъ лишь до тѣхъ поръ, пока мужественно и безстрашно они переносятъ непереносимое. Когда же выбьется чудесная искра и вспыхнутъ вѣковые запасы, тогда нѣтъ уже отдѣльныхъ лицъ, а есть явленіе цѣлостнаго духа народа. Это уже не личная доблесть, а доблесть народнаго естества, «добротность» и высшія качества національнаго характера.

И вовсе не нужно думать, что явленіе спящей народной силы должно всегда достигать результатовъ внѣшнихъ. Подъ Саракамышемъ живой сѣрый гранитъ русскаго воинства достигъ необычайнаго внѣшняго эффекта. Нависавшее пораженіе превратилось въ блестящую побѣду. Но этотъ эффектъ можетъ быть и чисто внутреннимъ. При Ѳермопилахъ греческіе герои были въ-концѣ-концовъ перебиты. Внѣшній результатъ можетъ и не быть достигнутъ. Отступленіе 20-го корпуса изъ Восточной Пруссіи, длившееся девять дней, при условіяхъ полнаго окруженія громадными непріятельскими силами, при отсутствіи подвоза снарядовъ и пищи, по дорогамъ, занесеннымъ снѣгомъ,—отступленіе, кончившееся прорывомъ всего лишь двухъ полковъ,—должно быть признано одной изъ самыхъ высокихъ страницъ во всей грандіозной эпопеѣ настоящей войны. Явленіе духа и внутренней мощи здѣсь было потрясающее. Гранитъ обнаружился съ полною ясностью. Память этого отступленія должна быть столь же священ-

ною, какъ и свѣтлая память самыхъ блестящихъ героическихъ побѣдъ.

Но, можетъ быть, кто-нибудь скажетъ: какое отношеніе имѣетъ все вышеизложенное къ темѣ: время славянофильствуетъ? Отношеніе самое ближайшее, и даже тутъ нѣтъ отношенія, а есть тождество темы и изложенія. Весь очеркъ событій внутренно проникнутъ «славянофильскимъ тономъ» и вѣрностью основнымъ славянофильскимъ принципамъ. Въ нѣсколькихъ словахъ я подчеркну это для тѣхъ, кому это осталось неяснымъ.

Распаденіе Европы, внѣшнее и внутреннее, на два враждующихъ стана, которое я охарактеризовалъ въ первомъ чтеніи, совершенно гармонируетъ съ двойственною славянофильскою оцѣнкою Европы, какъ «гніющаго Запада» и «какъ страны святыхъ чудесъ»; и нужно добавить, лишь съ славянофильскихъ точекъ зрѣнія это распаденіе можетъ быть понято соотвѣтственно подлиннымъ фактамъ и въ тѣхъ крупнѣйшихъ размѣрахъ, въ которыхъ оно, дѣйствительно, произошло. Процессъ дифференціаціи внутренней двойственности Европы до внѣшняго раздѣленія на «шуйцу» и «десницу» европейскаго человѣчества, на Германію и симпатизирующія ей страны съ одной стороны и на Англію, Францію и Бельгію съ другой—является по своему смыслу и внутреннему рисунку славянофильствованіемъ времени, славянофильствованіемъ Эона, вслѣдствіе чего Россія впервые за всѣ вѣка своего существованія вступаетъ въ органическое единеніе съ Европою, своимъ выступленіемъ усугубляетъ и внутренно углубляетъ процессъ европейскаго раздѣленія, и

помогаетъ Европѣ, творя съ ней единое вселенское дѣло, укротить того звѣря, котораго Европа взростила въ себѣ изъ собственныхъ своихъ нѣдръ, слѣдуя двойственнымъ законамъ своего развитія въ новое время.

Эта роль Россіи и это взаимоотношеніе ея съ Европою внутренно обосновываются и фактически становятся возможными только потому, что Россія въ глубинѣ своей проникнута вселенскою идеею, которая составляетъ скрытый законъ ея духовнаго существованія и которая конкретно воплощается въ запечатлѣнной и не явленной яви Руси святой,— въ этой центральной народной святынѣ и въ этой духовной основѣ всѣхъ высшихъ явленій самостоятельной и творческой русской культуры. Характеръ народа, какъ онъ сказался въ величайшихъ военныхъ напряженіяхъ, далъ намъ какъ бы опытную провѣрку правильности общей духовной характеристики Россіи, сдѣланной во второмъ чтеніи. Основу стойкости и несокрушимости русской арміи мы увидѣли въ внутреннемъ гранитѣ, отлагавшемся въ русской душѣ вѣками, вслѣдствіе тѣхъ особенностей духовной жизни народа, которые были созданы сердечнымъ принятіемъ Ѳиваиды и невидимымъ созиданіемъ второго своего бытія.

Въ этомъ очеркѣ «внутреннихъ» событій «славянофильство» времени выступаетъ съ еще большею очевидностью, чѣмъ въ очеркѣ событій европейскихъ. Народное дѣйствіе Россіи находится въ полной гармоніи съ народными вѣрованіями, тѣми самыми, которыя легли въ основу нетлѣннаго ядра славянофильскихъ идей. «Святая Русь» — не концептъ народной идеологіи, не кантовская «регулятивная»

идея національнаго русскаго сознанія, а совершенно конкретная, мистически реальная святыня умнаго дѣланія народа и его духовнаго бытія. О томъ, что время славянофильствуетъ, говоритъ не только «раздѣленіе» Европы, предчувственно постигнутое лучшими изъ славянофиловъ, но и живое явленіе народнаго гранита въ настоящемъ столкновеніи расъ и народовъ.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
0003833566 7